

АНАТОЛИЙ
ГАЛКИН

ОПАСНЫЕ ИГРУШКИ

**ЕЩЕ
НЕ
ВЕЧЕР**

Еще не вечер

Анатолий Галкин

Опасные игрушки

«Автор»

Галкин А.

Опасные игрушки / А. Галкин — «Автор», — (Еще не вечер)

В смутные времена в одной из наших спецслужб технический гений Марков изобретает приборчик, влияющий на психику человека: любого можно уговорить на что угодно или заставить забыть всё!.. Во время первого зарубежного испытания Марков исчезает вместе с прибором. Это было в Марселе... А в наши дни о приборчике узнает злой олигарх и начинает поиски. Его цель понятна: с этой штукой можно влиять на всех, включая министров и даже Президента!.. Чувствуя угрозы и преследования, в детективное агентство «Сова» приходит бывшая жена Маркова. Шеф «Совы» Савенков начинает раскручивать дело. А от греха подальше отправляет вдову Маркова в вояж по Европе...

© Галкин А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Галкин Анатолий Михайлович

Опасные игрушки

Глава 1

– Надоело мне это все, Варвара! Очень надоело!.. Мы отличные сыщики, а занимаемся всякой ерундой... Ты мне скажи – кто наши клиенты? Это рогатые мужья, блудливые жены и алчные дети, делящие наследство... Надоело мне в мусоре копать!

Савенков был явно не в духе. Это было очень редко. Он гордился тем, что всегда держал себя в руках. Правда, эти срывы никогда не превращались в крик, в истерику, в ломание стульев. В такие моменты Савенков «митинговал». Он ходил по кабинету, размахивал руками, доказывал кому-то очевидные вещи, тренировал свою риторичку.

– Дальше так невозможно! Мы зачем создавали детективное агентство? Детективное, кстати!.. Зачем? В грязном белье копать?

– Но нет пока других заказчиков, Игорь Михайлович. И эти клиенты платят хорошо...

– Вот! Святая правда, Варвара. Мы продаемся. За деньги мы готовы продать ум, честь и совесть.

– Вот и неправда, шеф. Честь и совесть мы не продаем. Ум – да. Нашу технику, умение с ней работать, профессионализм. Так и артисты себя продают, и ученые.

– Не сравнивай, Варвара. Какой ученый поставит в спальне видеокамеру и будет из соседнего дома наблюдать, что делает жена, пока муж в командировке?

– Никакой ученый не будет. Не сможет. Как он видеокамеру в настенные часы вмонтирует? Это только наш Марфин может.

– Это техника, Варя. А я о душе говорю... Не зря вы отчет перед заказчиком на меня взваливаете. Никогда не забуду, как я кассету тому банкиру отдавал, а он потребовал ее сразу просмотреть. Ты бы видела его лицо. Сцена была посильней Фауста... Все! Больше этим не занимаемся. Пусть сами за собой следят. И опасно это. Что, если б банкир застрелился. Или того хуже – его, ее и себя. Получилось бы, что мы его к этому подтолкнули. Не знал бы, так жил бы еще сто лет. Меньше знаешь – лучше спишь...

Варвара ругала себя, что не начала разговор первой. То, с чем она пришла в офис, могло сразу отвлечь Савенкова от самобичевания и перевести мысли на деловой лад. А сейчас надо улучшить момент, когда он остынет. Но и ждать времени нет. Они придут через двадцать минут – Марина всегда была точна. Тем более, в таком важном для нее вопросе... Варвара уловила паузу и вставила фразу, которая должна была завершить митинг узника совести.

– Вы правы, Игорь Михайлович. Я во всем с вами согласна. Я даже решилась без вашей санкции пригласить новых клиентов. Это совершенно другое дело. Здесь убийством пахнет...

– Кто такие?

– Моя подруга с мужем. Собственно, это ее второй муж. Я его и не видела ни разу. А первый давно погиб. Во Франции. Он был... этим. Ну...

– Разведчиком.

– Да.

– Это, Варвара, наша общая беда. Конспирация в подкорку вам въелась. Вы прекрасно знаете, что все это давно не секрет, не государственная тайна. Но произнести – язык не поворачивается. Даже мне сказать не можете... И как он погиб?

– Он даже не погиб – исчез. В Марселе. Утром ушел и не вернулся. Марину сразу же в Москву отправили...

– Марина, это...

- Да, жена. Та, которая через пять минут придет.
- И кто у нее сейчас муж.
- Киношник.
- Слава богу, что не разведчик.
- Но богатый. Он клипы ставит. Рекламу.
- Это хорошо. Не то, что реклама, а то, что богатый... Так в чем у них загвоздка?

В этот момент кто-то робко дотронулся до кнопки. Варя была права – ровно десять. Бывший муж Марины Валентин Марков приучил ее к точности. В его работе это было более чем важно.

Вошедшие были без зонтов. Значит им удалось подогнать машину прямо к подъезду. Даже минута пробежки по такому ливню и их пришлось бы выжимать.

Они держались исключительно скромно. Даже почтительно. Савенкову нравилось, когда в детективном агентстве «Сова» не ведут себя как в магазине или ресторане. Они тоже предлагают свою услугу, но особого свойства. Это не товар. Его нельзя оценить. Кому-то «Сова» спасет жизнь, кому-то здоровье, честь, душевный покой, а кому-то и деньги. И, как правильно, очень крупные...

Сразу было видно, что Марина ведущая в этой паре. Во всяком случае – в сегодняшнем деле. Муж не выглядел застенчивым, но здесь он старательно уходил на второй план, показывая, что не считает этот визит серьезным и лишь подчиняется женскому капризу. И Марина это чувствовала. Во всяком случае она начала с извинений:

– Возможно, мы напрасно у вас время отнимаем. Вот и Игорь так считает. Это Варя меня уговорила... Вы можете нам помочь?

– Пока не знаю. Варвара не успела меня посвятить... Внимательно слушаю вашу историю, Марина...

– Просто Марина... А это мой муж – Гридин Игорь Васильевич.

– Очень приятно... Вы не против, если я магнитофон включу?

– Конечно, конечно, – Марина заметно успокоилась, собралась и, поглядывая на микрофон, начала свой рассказ. – Две недели назад был очень странный звонок. Мужчина не представился и настойчиво потребовал встречи. Я попросила объяснить причину, но он только сказал, что это в моих интересах. Все это было неожиданно и очень неприятно. Даже страшно. И я... я просто повесила трубку.

– А вы, Марина, не думали, что ошибка?

– Нет, Игорь Михайлович, это не ошибка. Он фамилию назвал. Причем двойную, и по первому мужу тоже. И голос был надменный, как у следователя: «Гражданка Маркова – Гридина...»

– Да, это не ошибка... И что же было дальше?

– Были еще звонки. Почти каждый день. И с каждым разом все грубее.

– Голос один и тот же?

– Разные. По крайней мере – один женский и два – три мужских.

– Вы не записывали?

– Нет... Попытались по определителю узнать, но они все из телефонов – автоматов... Последнюю неделю пошли угрозы. Не прямые, но предлагали подумать о здоровье, не осложнять себе жизнь... И если бы только звонки. Были еще три письма, сообщения на пейджер мужа... А пять дней назад меня чуть не украли... Прямо рядом с домом кто-то хватает меня за руку. Наконец, говорили, попалась, теперь поговорим. Я отмахнулась сумкой. Вероятно в глаз ему замком попала. Он руку отпустил и я убежала.

– Но лицо-то его вы видели?

– Нет, он сразу ладонями закрылся. Я сумкой очень удачно попала. Он даже вскрикнул...

– Понятно, Марина. Но я предполагаю, что это еще не все.

– Да, вчера мы получили вот это, – Марина протянула Савенкову изрядно помятый лист бумаги. – Это я его скомкала. Хотела выбросить. Очень разозлилась и... испугалась.

Савенков машинально взял лист за самый край, но почти сразу понял, что можно и не пытаться снять с него отпечатки – его долго мяли и потом столь же долго разглядывали. Да и буквы. Человек, который так аккуратно выписывает печатные буквы не станет оставлять отпечатки.

Текст был коротким, но впечатляющим: «Последнее предупреждение. Откажешься от встречи – уьем. Даже не думай сообщать ментам».

– Марина, а остальные письма?

– Я их все выбросила. Мне казалось... Я и это хотела выбросить. Меня Игорь удержал. Он сказал, что это будет улика, если...

– Понятно. Все?

– Нет... Мы на последнем этаже живем. Сегодня утром на балконе я нашла разбитую бутылку с бензином. Запах еще оставался и этикетка... Они с крыши ее сбросили.

С каждым новым эпизодом Савенкову все меньше нравилось это дело. Он не понимал логики противника. Столько действий – и для чего. Только лишь поговорить с Мариной. Возможно, это очень важный разговор, но зачем городить такой огород. Что, нельзя было подловить ее в городе, в метро, на рынке, в сквере. У профессионалов есть сотни приемов для стопроцентного знакомства... Странно. Они же рискуют, что она придет на встречу с милицией или с ребятами из «крыши», которая наверняка есть у ее мужа, у этого излишне спокойного Игоря.

– Марина, я понимаю, что у вас нет никаких версий, никаких подозрений, никаких мыслей о причинах этого, извиняюсь, наезде на вас.

– Абсолютно. Я домохозяйка. Давно не работаю. Даже с соседями никогда не ссорилась.

Савенков понял, что больше информации он сегодня не получит. Но надо принимать решение. Есть ли реальная опасность убийства? Маленькая, но есть. Примерно – шесть к одному. Это как в русской рулетке – один патрон в шестизарядном нагане. Кто скажет, что это маленький риск? Кто решится бросать игральную кость при условии, что «шестерка» – твоя смерть? И сто к одному достаточно большой риск. Значит...

– Вот что, друзья мои. Очень правильно, что вы пришли. Будем работать. Предлагаю два варианта. Первый. При очередном звонке вы, Марина, соглашаетесь на встречу. Мои друзья с Петровки их берут, трясут по всем правилам и все выясняется. Быстро, но опасно. Вдруг возьмут лишь одного. Он будет молчать. Или расскажет, что хотел у дамочки на бутылку водки денег попросить. Взаимы. Ему погрозят и отпустят. А через месяц у вас в комнате бутылка с бензином и горящим фитилем. И это самый безобидный способ мести.

– А второй вариант?

– Марина временно исчезает из Москвы, а мы работаем. Ищем этих звонарей... У вас есть место, где можно было пересидеть две-три недели?

Савенков не мог не заметить, что Игорь Гридин очень оживился, услышав последнее предложение. До этого момента он был не то, что бы равнодушен – он напряженно выжидал, когда кто-нибудь предложит именно это.

– И правда, Марина. Тебе опасно здесь оставаться. Это все очень похоже на обычных психов. Сделают что-нибудь, а потом разбирайся. Сейчас как раз осень началась. Обострение у них...

– Так что мне теперь, до зимы скрываться?

– Зачем до зимы? Ты давно хотела по Европе покататься. Так я за несколько дней путевку сделаю. У меня связь есть...

– Отличная идея, – поддержала его Варвара. – А пока, Маринка, у меня поживешь. Незачем рисковать.

– Нет, нет, нет. Одна я не поеду. Вот если бы вместе с Варей...

Все замолчали. Но это была многозначительная, говорящая тишина. Уже через минуту позиции сторон стали очевидны и все поняли, что решение за Гридиным. Он встал и заговорил тоном человека, подводящего очевидный итог:

– Я вижу, что ни у кого возражений нет. Значит – договорились... Милые дамы, очень кофейку хочется. Вы только не подумайте, что я вас на кухню выгоняю. Но нам с Игорем Михайловичем надо некоторые практические вопросы обсудить. В том числе – финансовые...

* * *

Дела сегодня не клеились. Максим печально смотрел на гору договоров, которые надо исправлять, доводить, дорабатывать. Он несколько раз придвигал их к себе, но удостоверившись, что строчки продолжают плясать перед глазами, вновь отправлял бумаги на край стола... Вчерашний банкет совершенно выбил из колеи...

Компаньон Максима, сидевший напротив, находился в еще более сумрачном состоянии. Он периодически засыпал. Сначала он закрывал глаза, потом несколько минут по миллиметру опускалась вниз голова, а когда она достигала крышки стола, он вздрагивал, резко расправлял плечи и, широко открыв глаза, изрекал мудрую мысль. Типа: «так жить нельзя» или «надо меньше пить». Очевидно, что Юрия Антоновича доконало лекарство, которое утром принес Максим. Четыре бутылки холодного пива убрали тупую боль в голове, появилась легкость, а потом безразличие и сонливость. В любом случае, трудового энтузиазма лекарство не прибавило...

Звонков сегодня почти не было. Казалось, клиенты понимали, что сегодня юридическую контору «Щит» лучше не тревожить. Но в середине дня прорвался кто-то очень настойчивый.

Еще утром Максим до предела уменьшил звонок в телефонном аппарате и тот, подыгрывая хозяйину, тренькал вяло, жалобно, из последних сил. Максим глядел на него с сочувствием, но после двадцатого перезвона все же снял трубку.

Юрий Антонович, вглядываясь в туманное лицо партнера, пытался понять смысл разговора. Но очевидным было лишь то, что Максим обладает хорошим словарным запасом – за пять минут он выдал в трубку массу синонимов, означавших его полное согласие с собеседником: «Да... Непременно... Согласен... Конечно... Есть... Договорились... Обязательно... Хорошо... Никаких проблем... Добро... Понял вас... Лады...»

Живая мимика появилась у Максима, когда он положил трубку. Он гневно взглянул на компаньона и, втянув в себя побольше воздуха, выдал все, что о нем думает:

– Доигрался, Антоныч... Я уж не стал трубку тебе передавать. Это Андрей Семенович звонил.

– Борзенко?

– Он. И очень злой. Напряженный... Дернуло тебя тогда о своих боевых подвигах трепаться. Ладно бы просто подвигах молчал. Так нет! Сразу обещания, заверения, задаток. Зачем деньги взял?

– Мы вместе брали. Ты, Максим, не путай. Я их сразу тебе передал. Все пять штук.

– Верно! Передал. И демонстративно. Разделил ответственность... Я, дурак, не сразу и понял. Дают – бери... Где ты сейчас этого Маркова найдешь? Его вся контора тогда искала. И какая контора! Это не нынешние обломки. Это – КГБ!

– Ничего и никто не искал. Этот Марков в середине августа исчез. А девятнадцатого случился этот... ЧК... ЧП... ГЧПК... путч, одним словом... И всем не до того стало. Все свою жену стали прикрывать. Один я между Москвой, Парижем и Марселем мотался. Пока следы его нашел – мне подарочек. Я в их новые штаты не вписался. Вся информация у меня и

осталась... Забыли о нем. Я точно знаю. Я сам в отчете написал, что он лодку в этот день брал и в море погиб. Рыбак он был этот Марков.

– Но ты правду скажи, Антоныч, он точно жив?

– В сентябре девяносто первого был жив. Мой человек его в Париже видел.

– Так давай искать. Звони этой Марине. Только сам звони и сам встречайся. Я больше видеть ее не хочу. Она мне чуть глаз тогда не выбила.

* * *

Марина успокоилась только в самолете. Все пять дней, пока она жила у Варвары, она не выходила на улицу и не подходила к телефону. Основания для этого были – Игорь сообщил, что до того, как Савенков разместил в квартире Гридиных свою хитрую технику, было еще два угрожающих звонка. А вчера, накануне отлета пришло письмо еще более жестокое и страшное, чем раньше. Оно завершалось фразой: «Смерть настигнет тебя везде».

Текст письма знала только Варвара. Поэтому усевшись в кресло аэрофлотовского «Боинга» Марина сразу успокоилась. Еще в Шереметьево она или постоянно оглядывалась или тупо смотрела в пол, дрожащими руками прижимая к себе вещи. В результате у стола тамошни она получила полный досмотр. Проницательный молодой человек даже ощупал швы в ее сумках и проверил наличие второго дна. Возможно, он решил бы и на личный досмотр, если бы находившаяся рядом Варя не бросила беспечным тоном: «Моя подруга очень боится летать. Я и сама вся дрожу. Скажите, в самолете будут парашюты?»

... Игорь Гридин купил для них самый длительный и довольно дешевый тур. За двадцать два дня они должны были проехать почти всю Европу на автобусе.

Все это Игорь успел сделать за шесть дней. Собственно, подобрать подходящий вариант и оплатить его можно было и за пару часов. Сложнее было в срочном порядке получить Шенгенскую визу – пропуск в Объединенную Европу. За это почти никто не брался. Но Игорь обладал пухлой записной книжкой. Вскоре нашлись проворные ребята, знающие подходы к ответственным клеркам в маленьком посольстве... Связи в наше время решают почти все. Связи и деньги.

Правда, пришлось догонять группу, которая добиралась до Вены поездом. При этом, как потом оказалось, они пропустили самое интересное – аттракцион почище пещеры ужасов или американских горок. Это – ночной переезд по югу Польши, где банды из бывших шахтеров громят туристические поезда. До конца поездки группа обсуждала эту ночь и делилась опытом по запираению дверей в купе с помощью зонтов, ремней, приставных лестниц.

В венском аэропорту их встретила гид группы, равнодушно державшая над головой табличку с названием московской тур фирмы. Они знали о ней только то, что ее зовут Люба. Варя почему-то казалось, что такое имя должно принадлежать молодой веселой девушке с большими глазами. Но табличку держала фигура в мешковатом плаще с безликой скучной физиономией. И было ей лет сорок, сорок пять. Правда, это на первый взгляд. Варя подумала, что после хорошей парикмахерской, одетая во что-нибудь короткое, яркое, узкое, да с добавлением добродушной улыбки и блеска в глазах, Люба могла бы потянуть и тридцать пять и даже на все тридцать.

Кроме Любы Вена встретила их такой же серой погодой – мелкий холодный дождь и плотные мрачные облака, превратившие полдень в сумерки.

Прибыв в гостиницу, Варя сразу увидела, что московская группа быстро освоилась с местным сервисом: в холл несколько раз забегали наши и из стоявшего в углу элегантного прибора наливали в кружки и термосы дармовой кофе. Варя, пока Марина получала ключи от номера, тоже подошла и, наполнив пластиковую чашечку, отхлебнула... Правильно люди

говорят, что бесплатное не может быть хорошим. За все надо платить. Кофе напоминал наш родной, столовский, желудевый... Здравствуй, Вена!

Варя вспомнила, что в путеводителе, который она изучала час назад, кофейной проблеме было отведено несколько страниц. Оказалось, что в местном общепите нельзя просто попросить кофе – вас не поймут. Надо назвать один из двух-трех десятков сортов или видов, которые готовят именно здесь... Путеводитель был любопытный. Автор не перечислял века, даты, стили зданий, фамилии монархов и архитекторов. Зато было много любопытных фактиков о местной жизни.

Особенно Варя запомнилось, что здесь в Вене можно в любой ресторан заявиться со своей собакой. И официант прежде всего осведомится о вкусах вашего «младшего брата», принесет еду ему, а затем спросит о вашем заказе. И в этом не будет ни капли ханжества, шутовства, позерства. Просто им всем нравится жить именно так. Всем – и официанту, и хозяину, и собаке. Просто все они очень любят друг друга и добро в первую очередь делают для более слабого, незащитного, бессловесного. Собаки же не могут жить без нас. Это мы, наши предки давно-давно приручили их. А хорошие люди всегда должны отвечать за тех, кого они приручили... Вот австралийцы это поняли. И другие тоже. И в их странах доброта, терпимость, покой, мир, любовь...

Экскурсия по мокрой Вене не вызвала восторга. Они почти не выходили из автобуса. Конечно, приятно было осознавать, что где-то за запотевшими стеклами красивые парки, шикарные здания, старинные улицы, по которым гуляли и Моцарт, и Штраус... Совсем под вечер их привезли к Имперскому дворцу. Внутри Хофбурга было мрачно, душно и сыро от множества мокрых курток и влажных причесок. А еще в узких проходах было тесно от толп суетливых японских туристов. Они бегали со своими путеводителями, в которых было множество фотографий с кратким описанием и чистым пустым квадратиком рядом. В него надо было поставить галочку – осмотрел. Именно поэтому они и суетились. Если кто-то из них пропускал нужный зал и не успевал бросить взгляд на ночной горшок Франца Йозефа, он летел назад, за две секунды осматривал, ставил галочку и еще более стремительно догонял своих соплеменников... Странная нация. Они просто не могли возвратиться в свою Японию без полного набора галочек в нужных квадратиках. Ну не могли! И при этом они всегда были добродушны, веселы, счастливы... Через десять дней Варя еще раз подумает об этом же, увидев в Лувре трех япошек, подскочивших к Моне Лизе, взглянувших на нее, зафиксировавших этот мимолетный взгляд тремя полновесными галочками и помчавшихся скорей совершить то же самое около Венеры Милосской... Странная нация. Все у них по инструкции, все четко. Поэтому и телевизоры у них не ломаются... Нет у них нашей бесшабашности, русской широты души...

Дождь доконал всех. Никто из группы не остался в центре Вены. Ни у кого уже не было сил и желания наслаждаться мелодиями ночного города.

Первый день в таких поездках – он всегда, как первый блин. Варваре и Марине было трудно еще и потому, что день их начался в Москве в пять утра, а двухчасовая разница с Европой отдалили время отбоя. Не ложиться же спать в девять вечера! Они попытались соорудить ужин, но есть не хотелось. И разговаривать тоже. Любой разговор вернул бы их к событиям в Москве. А очень хотелось забыть то, что было там в последние недели... Они даже договорились ни разу не звонить в Москву. Может быть потому они даже не заметили, что на одной из полочек стенного шкафа стоит телефон. Просто не обратили на него внимания. Но вдруг он сам заявил о себе мелодичным настойчивым звонком.

Это мог быть кто угодно: и экскурсовод Люба, и кто-нибудь из группы, и местный портье, и... Варвара взяла трубку и развернулась так, чтобы Марина видела ее лицо. Лицо, которое будет сохранять спокойную улыбку вне зависимости от содержания разговора.

– Слушаю вас.

– Что, думаешь спряталась? Мы же говорили, что везде тебя найдем. Ты обманула нас и теперь готовься к смерти. Мы везде будем следовать за тобой. И завтра и через неделю... Готовься!

– Вы, очевидно, ошиблись... Здесь таких нет.

Варвара положила трубку и попыталась улыбнуться еще шире. Возможно, это был перебор. Играла она хорошо, но уж очень подготовленный и настороженный был зритель. По испуганным глазам Марины было видно, что она не поверила и не поверит, хоть примени для нее всю систему Станиславского. Но Варе надо было продолжать играть.

– Ошибся кто-то... Я немецкий не очень хорошо знаю. А австрийцы вообще на своем диалекте говорят...

– Варя, это были они?

– Кто?.. Тебе действительно надо успокоиться. Они тебе везде теперь будут мерещиться... Я же сказала – ошибка. Давай я специально спущусь к портье и уточню. Может он знает, кто звонил.

Варя выскочила и, не дожидаясь лифта, побежала по лестнице – всего-то четвертый этаж.

Немецкий она действительно знала плохо. Как и английский. Говорить свободно она могла только на французском. Но портье оказался полиглотом. Через пару минут было ясно, что звонок был из Москвы, что звонившая – молодая девушка точно указала номер комнаты, а затем уточнила: «Мне нужна Марина Гридина, которая сегодня прилетела из Москвы».

Глава 2

На этой неделе Борзенко в очередной раз попал в полосу творческого простоя. Его в очередной раз сняли с эфира. И его очередной «шеф» что-то кричал, надувался, краснел. Он волновался намного больше, чем сам Борзенко. Попав между жерновами, «шеф» понимал, что не продержится долго, но старался продлить свое существование, угождая то одной, то другой стороне. Чудак! В битве гигантов опасно стоять на линии фронта и услужливо кланяться обоим.

Борзенко и сам бывал в таком положении. Но очень давно. Это было, пока не появился человек, который круто изменил его жизнь. Он возник вдруг и именно в тот момент, когда все отвернулись от Борзенко. Он единственный посочувствовал, поддержал и восстановил справедливость. И делал это он в то время, когда остальные или просто отмахивались или ехидно усмехались.

Почти никогда Борзенко не упоминал его имени. Он вообще старался ни с кем не говорить о своем благодетеле. Даже в своих мыслях он именовал его то Учителем, то Хозяином. Со второго года знакомства Борзенко стал называть его Игроком. И это оказалось самым точным, самым емким определением этого человека. Это было сутью его характера.

Игрок никогда не стремился к высоким должностям. Его это не интересовало. Он смотрел на все, как на шахматное поле в миллионы клеточек. Толпы безликих пешек, которыми не так уж сложно управлять. Тысячи более или менее значимых фигур, стремящихся попасть в свиту монархов. И казалось бы вершина – ферзь и король. Но всегда где-то рядом с этой огромной доской тот, кого называют шахматист. Тот, кто может убрать непослушные фигуры на самый край, кто может заменить свиту, запугать ферзя сумбурным движением пешек, подставить под шах самого короля... Это и было его целью, его страстью, его мечтой...

Борзенко хорошо понимал, что для Игрока он один из многих. Он просто орудие, рупор, рычаг. Но Борзенко знал и другое – Игрок никогда не сдавал своих. Он до конца бился за них и почти всегда побеждал. И спасенные служили ему еще большей верой и правдой...

О своем новом падении Борзенко сразу же сообщил Игроку и в ответ услышал потоки праведного гнева и сарказма по поводу ничтожных врагов, уверений, что очень скоро он все поправит, наладит, улучшит. Можно было не сомневаться, что так оно и будет – свои, преданные ему фигуры Игрок с доски не снимал...

Борзенко ждал. Он отсиживался на даче и готовился к новым боям. Он встречался с поставщиками информации, он составлял планы новых атак, он репетировал интонации: уверенность, честность, осведомленность, гнев, ехидство... Но была еще одна тема, которая никак не давалась ему в суетной текучке еженедельного эфира. Теперь он мог заняться и этим, возможно самым важным делом его жизни.

Эту парочку он пригласил на сегодня. И разговор будет предельно жесткий. Хватит! Почти месяц они водят его за нос... Правда, все, что он успел о них узнать, только подтверждало – они могли говорить правду. И Максим Вдовин и Андрей Ткач по нескольку раз бывали во Франции и именно в то самое время. Был там и некто Валентин Марков, который в девяносто первом неожиданно в Марселе исчез и по официальной версии числился утонувшим во время рыбалки. Все они проходили по разным ведомствам, но Борзенко навел справки – теперь у него везде были свои люди. Так вот, все трое действительно были тогда сослуживцами, лихими «бойцами невидимого фронта». Все сходилось... Неясно было только одно: где сейчас та штукавина, которая исчезла вместе с Марковым? Цела ли она? И была ли она вообще?

Услышав шум мотора, Борзенко взглянул на часы. Да, эти люди неисправимы. Этих шпионов легко можно было раскалывать по их точности. Кому из обычных людей, из гражданских придет в голову выходить на встречу с точностью до секунд?

Они начали беседу в английской манере: несколько слов о погоде, восхищение чистым воздухом и цветами, похвала ровному зеленому газону... У Борзенко никак не получалось начать решительный жесткий разговор. Разговор заказчика с нерадивыми исполнителями, которые, наобещав золотые горы и взяв солидный аванс, теперь даже мышей не ловят.

Борзенко встал – в таком положении удобней начинать разное. Он сложил руки на груди и гордо поднял голову. Это тоже должно было помочь – поза уверенного в себе человека, хозяина положения.

– Значит так, господин. Торжественная часть закончилась, переходим к тандам... Я жду отчета. И не пытайтесь мне лапшу на уши вешать! Я прежде всего к вам обращаюсь Юрий Антонович. Это была ваша идея. Ваша информация... Шутки со мной не пройдут! У меня достаточно возможностей, чтоб...

– Ой, господин Борзенко. Только не надо нас пугать. Очень прошу... Но отчет действительно нужен. За месяц активной работы мы много чего накопили.

– Сомневаюсь. Очень сомневаюсь, – тем не менее Борзенко сел за стол и демонстративно распахнул блокнот, – Готов услышать ваши промежуточные результаты. Хотя они мало меня волнуют. Мне нужен итог. Мне нужен этот Марков и его прибор.

– Кстати, о Маркове. Мне с большим трудом удалось узнать... Понятно, что все это не бесплатно. Наши затраты отражены в финансовом отчете... Так вот, Марков жив, здоров и находится во Франции. Три года назад был странный звонок другу Маркова. Тот, вероятно был после крепкого банкета и не сразу врубился. Звонивший как-то представился, сослался на общих знакомых, запудрил мозги, вспомнил невзначай Маркова и спросил о его семье. Этот пьяный друг ляпнул, что Марина Маркова недавно вышла замуж за бизнесмена, за этого Гридина, а на другом конце трубки что-то промямлили и – гудки. И только тогда этот алкаш понял, что голос очень на самого Маркова похож... Утром доложил по всей форме. Проверили – звонок из Парижа. Подняли розыскное дело, покопошились два года и опять в архив. Померещилось, мол, спьяну.

Гости удовлетворенно переглянулись, заметив, как загорались у Борзенко глаза и как он заерзал на стуле. Юрий Антонович Ткач был специалистом в таких разговорах. Профессионал. Он перехватил инициативу и теперь будет дожимать клиента.

– И это еще не все, господин Борзенко. Есть и более важные новости... Марина, жена Маркова...

– А теперь еще и жена Гридина.

– Да... Так вот она от встречи с нами отказалась. И даже причинила господину Вдовину легкие телесные повреждения... Максим, покажи синяк... Все это косвенно доказывает, что она что-то знает... Но и это еще не все. Неделю назад она исчезла. Мы подняли всех на ноги и через систему учета авиабилетов... тоже, заметьте – не бесплатно... установили, что она улетела. Куда?

– В Париж!

– Нет, пока в Вену. Но мы прошерстили все тур бюро... Есть! Она в группе. Сложная автобусная поездка. Австрия, Италия и... Франция! Три дня в Париже! Зачем? Почему это после нашего на нее выхода она так спешно сорвалась в Париж?

– Верно, следы запутывает. Вся группа поездом, а она вдруг самолетом и в Вену. А нужен ей Париж. Ей надо с первым мужем встретиться. Посоветоваться. Возможно, прибор перепрятать...

Борзенко даже не пытался скрыть своего возбуждения и восторга. Он метался по комнате между буфетом и холодильником, вываливая на стол бутылки, пакетики, банки. Все самое лучшее. Надо немедленно закрепить успех... Он уже и забыл, что час назад собирался разгромить эту команду в пух и прах.

– Это французский коньяк, ребята. Это очень символично. Мы у цели... Вам надо срочно ехать а Париж. Лететь. Когда эта Марина будет там?

– Через неделю.

– Все! Визы я вам обеспечу. И билеты. Вы только найдите там ее, его и эту штуковину, этот прибор. Любые деньги предлагайте... Да, чуть не забыл. Я тут решил вам помочь. Мне составили справочку на этого Игоря Гридина. Очень много у него грехов. Долги есть, налоги, гад не платит. Вы смотрите – может быть потрясти его? Привлечь на нашу сторону? Даже если он ничего не знает... А вдруг знает? Муж все-таки. Хотя и второй...

Гости не прерывали монолог Борзенко, с нетерпением сжимая в руках толстые стаканы с золотистой жидкостью. Первым не выдержал Максим. Уловив паузу, он бодро вставил фразу, которая должна была перевести их сидение в нужное русло.

– Коньяк-то совсем согрелся. Предлагаю за успех. А он у нас почти в кармане... Кстати, о кармане. Господин Борзенко, можно ли сегодня получить на текущие расходы и эти... командировочные?

– Завтра. Завтра все у вас будет.

– Тогда – за успех! За прибор!

* * *

Уже два часа автобус скользил по широкой альпийской автостраде. Город вальсов остался далеко позади, а вместе с ним дождь, сумрак, нервозность и усталость первого дня.

За окном мелькали картинки, которые завораживали и, вместе с тем, оставляли впечатление нереальности. Казалось, что все это огромная декорация, непрерывная гигантская картина художника – примитивиста с ненатурально яркими красками и контрастными линиями. Как на базарных рисованных коврах с барскими усадьбами, клумбами и лебедями в пруду.

То, что за обочинами не было видно куч мусора, остовов старых тракторов, колючей проволоки на столбах вокруг самопальных огородиков – все это было нормально. Это ожидалось.

Естественными были и дальше Альпы. Горы – они что на Кавказе, что в Австрии. Ни прибавить, ни убавить.

А вот предгорья... Все холмы и поляны были как английский газон, как футбольное поле перед игрой. Никаких проселков с колдобинами и следами объездов вокруг грязных ям, никаких перелесков, буераков, оврагов с зарослями лопуха и чертополоха... Наша земля часто похожа на лицо прыщавого и давно небритого бомжа. А здесь физиономия денди – гладкая, ухоженная, под легким гримом и с запахом кремов и лосьонов.

А места, где живут эти австрийцы. Трудно подобрать наше слово для этих населенных пунктов. Не городок, не село... Скорее всего это деревня. Но представьте маленькую ладненькую кирху с высоченным шпилем и десяток домов вокруг нее. Двух – трехэтажных, ярких, под черепичной крышей и с обязательными шапками красных цветов на внешней стороне подоконников. Голубые ели, ровные живые изгороди, газоны с тропинками из серого природного камня... Вот вам и деревня. А где заборы из горбыля? Где черные срубы колодцев? Где огороды и заросли старых яблонь? Где скотный двор, где МТС, наконец? Ведь стригут же они чем-то эти холмы и склоны...

Во второй половине дня они уже мчались по равнинам Италии. К ужину их разместили под Венецией, в городке Лидо де Изоло, в одной из множества полупустых гостиниц, плотной вереницей тянувшихся вдоль пляжа.

Почти весь день они просидели в автобусных креслах, но выходить на улицу и, тем более, бродить по пустынному пляжу Марина отказалась. Варя даже не стала ее уговаривать.

О том ночном звонке они больше не говорили. Может быть зря... Варваре все время казалось, что Марина только об этом и думает. В автобусе она пересела подальше от окна. На

остановках она старалась держаться центре группы и напряженно всматривалась в незнакомых людей, в проезжавшие мимо машины. И сейчас она с испугом услышала предложение погулять по ночному городку...

– Значит так, Марина. Давай сегодня посидим взаперти, но устроим психологическую разгрузку. А так ты завтра и на гондоле не поплывешь – вокруг перевернется. А послезавтра в Колизей с тобой не зайдешь – вдруг камень сверху... Опасаться надо чего-то конкретного. Нет пока оснований...

– Варя, это они вчера звонили?

– Они... Но звонок из Москвы был.

– Женский голос?

– Да, молодой голос и она... Ты знаешь, Марина, я только сейчас почувствовала – она боялась. Она угрожала, изображала блатную девку, но – боялась. Как на экзамене в театральный. Все говорят правильно, с выражением, а внутри все дрожит.

– Она, может быть, и боялась. Но она же не одна. Их много, Варя. Были и мужские звонки, и письма, и те, что во дворе меня схватили.

– Но они же все в Москве. Звонок-то оттуда был.

– Они узнали, где мы... Как они узнали?

– Десятки способов, Марина, сотни... Савенков это сейчас выясняет. Я вчера успела ему позвонить.

– Снизу позвонила... Без меня.

– А зачем тебя лишний раз пугать. Ты и так...

– Ладно... Так как они могли узнать?

– Я думаю, через твоего мужа. Игорь, конечно, не сам им сказал. Но он последние дни мотался за визами, за билетами, за путевками... Наверняка на его работе многие знали. По домашнему телефону мог что-нибудь сказать. Проследить могли... Да мало ли. Просто могли вычислить, а по тур фирмам уточнить.

– Возможно... Но это говорит еще и о том, что это не шутники, не хулиганы, не завистники. Я надеялась, что это они. Узнали телефон, адрес и тешатся. Удовольствие себе доставляют... Нет, здесь профессионалы – следить, подслушивать, вычислят... Почему бы им не прилететь сюда? Теперь они весь наш маршрут знают...

– Ну уж ты слишком... Главное, Марина, ты сама знаешь, что незачем за тобой так плотно работать. Ты не шпионка, не бандитка. Банки ты не грабила. Нет никаких оснований за тобой следить.

– Есть.

– Что?!

– Есть основания... Я, Варя, не все вам тогда рассказала... Давай, правда, к морю пойдем. Сегодня ничего не будет. Они, если и прилетят за мной, то не сюда, а во Францию. Мы там уже через неделю будем?

Весь городок состоял из одной длинной улицы. Он располагался на полуострове, на косе, прикрывавшей с моря Венецианский залив.

Магазины были открыты, хотя покупателей почти не было. Но было много гуляющих. Они лишь разглядывали местные сувениры, выбирали, сопоставляли цены и отходили, надеясь завтра купить все это в самой Венеции и подешевле... Цветное стекло с острова Мурано, местная керамика, буранские кружева, карнавальные маски всех размеров, веера, пластмассовые Давиды и Цезари...

Для разговора Варвара прикупила банку жареного арахиса и десять бутылочек с разными ликерами. Десять, но маленьких – не больше рюмки.

На пляже было не так темно, не так страшно и не так пустынно. Несколько групп по пять – шесть человек даже пытались купаться. Варя сразу решила, что это наши. Возможно даже сибирские. И действительно, вскоре ветерок донес знакомые тостовые возгласы и другие междометия...

По пляжу во все стороны разбегались чистенькие деревянные помосты. Одна из таких тропинок вела на волнорез, защищавший детский пляж. Издали он был похож на случайную цепочку небольших скал. Это не обычные бетонные глыбы, превращающие берег в часть портового причала.

На конце этого скалистого мола была, очевидно, площадка. Во всяком случае, беседка и несколько кресел там умещалось. Самое место для разговора. Море спокойное – ни прибоя, ни брызг...

– Ты знаешь, Варя, почему я решила пойти?

– Ты что-то про Францию говорила.

– Нет, не то... Я не могла говорить об этом в гостиничном номере. Муж меня так приучил. Первый муж, Валентин. Он очень дотошный был в этом плане. Знал, как могут слушать. В деталях знал. Марков у меня технарь был.

– Не знала.

– Да, он не агентурист. Поэтому мы и не ездили надолго. Несколько месяцев – и назад. Доведет какой-нибудь прибор в Москве, а здесь устанавливает, проверяет... Он называл это – полевые испытания.

– А что это за прибор? Охрана, прослушка?

– Нет, здесь что-то более сложное и... секретное. Я поняла, что и в Москве об этом мало кто знал. Валентин говорил, что возглавляет единственный в мире отдел, состоящий из одного сотрудника – его самого. Такая, мол, конспирация... И еще он однажды сказал, что о его приборе знают всего двое. И работать они могут только вместе. Потому что – он, Валя, знает «как это работает», а еще один большой генерал знает «зачем это нужно».

– И все же, Марина, что это за техника? Не атомная же бомба?

– Не знаю... Он почти все время с медиками работал... Вначале он пытался лай – детектор усовершенствовать...

– Детектор лжи?

– Да... но тогда их почти перестали использовать.

– Почему?

– Очень много неточностей. Врала она... Ты представь, Варя, сажают двоих на детектор и спрашивают: «Вы изменяли жене?» Один из них лет двадцать назад кого-нибудь в танце прижал крепче чем следовало, в шейку ее поцеловал. И все! Он считает это изменой. Боится разоблачения, дрожит. Он на вопрос отвечает «нет», а детектор отмечает – «врет». А на другом и клейма ставить негде. Но он считает это шуткой, развлечением, баловством. В душе-то я ей не изменял. И он твердо отвечает «нет», а детектор говорит – «правда»... Вот Валентин и пытался это поправить. Хотел разобраться, что у испытуемых на самом деле в голове твориться.

– Мысли читать?

– Вроде того.

– Получилось?

– Не знаю, Варя. С этого времени он перестал со мной о работе говорить.

– Скажи, Марина, А последний раз он тоже поехал... на полевые испытания. С ним был какой-нибудь прибор.

– Не знаю... Тогда не знала. Сейчас уверена, что был.

– Почему?

– По этим звонкам... Первый раз звонил мужчина. Спокойный, вежливый. Он сказал, что хочет поговорить о моем бывшем муже, о его бегстве... Я помню почти дословно. Он сказал:

«Мне надо осмотреть все его вещи. Мне обязательно надо найти одну штуковину, что была с ним».

– Что ж ты, Марина, в Москве – то молчала.

– Испугалась... Потом пошли звонки с угрозами. О «штуковине» никто уже и не спрашивал...

Глава 3

Олег Крылов влетел в кабинет Савенкова и, аккуратно прикрыв дверь, встал в центре, скрестив руки на груди. Он мог бы позвонить еще час назад и сообщить об этом. Но это была не просто новость, не просто информация. Это то, что перевернет всю их работу, то, о чем они, великие сыщики, вчера еще даже и думать не могли. И ему захотелось сказать об этом глядя «шефу» прямо в глаза, увидеть его реакцию.

Савенков встал и манерно поклонился:

– Не могу сидеть перед Наполеоном. Докладывай. Что, поймал Кутузова? Выиграл Ватерлоо?

– Поймал! Выиграл! Дурака мы, Игорь Михайлович.

– Частично согласен. Ты только, Олег, не обобщай. О себе говори...

– Очень важная новость!

– У меня тоже.

– Моя важная. Спорить могу.

– А моя, Олег, короче. Вчера вечером был звонок в Вену. Варвара сама трубку взяла.

– Угрожали?

– Да.

– Звонок из Москвы. Да? В восемь сорок пять вечера. Да? Женский голос. Да?

– Да... Откуда знаешь? Тебе, Олег, что – тоже Варвара звонила.

– Нет... Но я знаю. Я даже знаю кто звонил в Вену. Я рядом был.

Выслушав последнюю фразу, Савенков сел и начал тщательно осматривать стены своего кабинета. Основные усилия были направлены на сохранение умного выражения лица... Пауза была великолепна. Именно это и хотел увидеть Олег.

– Мне продолжать, Игорь Михайлович?

– Конечно... Похоже, что твоя новость действительно более важная...

– Начну с вывода. Брать его надо, Игорь Михайлович. Немедленно брать!

– Кого?

– Игоря Гридина. Нашего дорогого клиента. Брать по подозрению в подготовке к убийству своей Марины, едущей в настоящее время по Европе с нашей Варварой...

– Олег, ты вначале что-то о дураках говорил?

– Говорил.

– Так в отношении меня ты был прав... Сейчас я чувствую себя именно им – полным, круглым и набитым... Давай, Олег, подробности.

– Подробности... Вчера я был у Гридина дома. Поменял магнитофон, взял очередное письмо, потрепались... Смотрю, он на часы поглядывает. Я вежливо удалился и стал ждать внизу. Решил за ним посмотреть.

– Зачем?

– Интуиция... Он пешком вышел к Чистым прудам. Там у Грибоедова ждала она.

– Кто?

– Оксана. Но это я потом узнал... Так вот, у них радостная встреча и идут они в здание на углу бульвара и Мясницкой.

– Почта?

– Да. А на втором этаже международные телефоны. Оформили что-то и вдвоем в одну кабину. Я мимо прошмыгнул – трубку держала Оксана. А время было...

– Двадцать сорок пять.

– Точно... Дальше я их до дома довел. Переулок в районе Сухаревки... Установил квартиру, нашел на черной лестнице телефонный щит и... подключился.

– Рисковый ты парень, Олег... Просто стоял и слушал?

– Зачем? У меня все с собой было. Полный кейс техники. Вчера подключился, сегодня снял... Что, Игорь Михайлович, будем слушать? Только одно место из разговора. Итак: Гридин и Оксана.

Говоря это, Олег вытащил средних размеров диктофон с подключенным к нему устройством чуть больше спичечного коробочка. Он действительно подготовил ту, самую важную часть записи – разговор начался на полупhrазе:

– ...как же ты спала одна?

– Плохо! Не хочу я так больше. Мог бы и остаться.

– Не мог. Я и так домой в полночь заявился... Телефоны под контролем. Представь, в час ночи звонок, а я трубку не снял. И начнет эта «Сова» раскручивать: где был, почему... И консьержка. Она так глазами и зыркает. Все запоминает, зараза.

– Я понимаю... Но когда?

– Скоро. Сейчас уже скоро.

– Игорек, а мы не можем заранее документы подать? ЗАГС-то рядом...

– Ты в своем уме!? Это при живой-то жене.

– Так кончай с ней скорее.

– Вот приедет, сразу и решу. Сейчас у меня уже почти есть алиби.

– Что?

– Ну, никто на меня не должен подумать... теперь и эта «Сова» подтвердит, что были угрозы.

– А здорово я с ней вчера говорила.

– Ты, Оксанка, молодец. Грозно так, твердо, решительно. Просто Мата Хари.

– Это кто?

– Красавица такая была. Шпионка.

– Тю, шпионка... Я актриса!

Олег выключил запись и торжествующе посмотрел на Савенкова.

– Что скажете, Игорь Михайлович? Каков гусь?... Звонила она ему на мобильный телефон.

Причем, не на тот, номер который мы знаем.

Савенков молчал. Он неотрывно смотрел на замолкший диктофон. Первый шок от этой кардинально меняющей все информации быстро прошел. Он начал анализировать, сопоставлять, планировать...

В этих размышлениях очень мешала обида. Досада, что такая простая версия даже не пришла в голову. Если бы вчера Олег предложил последить за Гридиным, Савенков непременно притормозил бы его. И привел бы десятки доводов, почему муж Марины не может быть причастен к угрозам.

Савенкову и сейчас хотелось раскритиковать эту версию, показать ее слабые места. И он сделал бы это, но – на краю стола ему ехидно улыбался диктофон. Это был факт, доказательство. Неопровержимое и неубойное.

– Олег, но звонков-то было много. Женский голос – понятно, Оксана. А мужские? Марина сказала, что было минимум два мужских голоса. Сам-то он не мог жене звонить.

– Сам не мог. Но он же сказал, что у него все готово. Есть алиби и, возможно, исполнители. Они и звонили.

– А зачем тогда убийце светиться? Зачем гнаться за ней, за руку хватать, сумкой в глаз получать?

– Не знаю. Да и не важно это сейчас. Брать срочно надо этого Гридина... Ключи от его квартиры у нас есть?

– Есть, Олег, есть. Марина оставила их Варваре, а та передала мне. На крайний случай.

– Во, сейчас он как раз и есть, Игорь Михайлович. Самый крайний. Крайнее не бывает.

– Олег, а почему Гридин не хотел просто развестись?

– Элементарно, шеф. Жадность. Жаба его заела. Доходы пошли слабенькие. Все, что он до сих пор наворовал, пошло на квартиру, дачу и две машины. Вот и подумайте, Игорь Михайлович, при разводе что жене оставлять? Каменные хоромы в Загорянке или шестикомнатную у Покровских ворот? «Чероки» или «Вольво»? Вот Гридин терзался, томился и вдруг решился.

– Или Оксана подсказала... Ее, кстати, хорошо бы установить.

– Сделано, шеф... Хорошо везде иметь друзей – ребята должны были к ней участкового направить. Под благовидным предлогом.

В этот момент раздался телефонный звонок. Олег жестом фокусника хлопнул в ладоши и ласково поднял трубку. Несколько минут он кому-то поддакивал, хмыкал, что-то записывал, благодарил.

– Порядок, Игорь Михайлович... Удивительное совпадение. В соседнем доме кража случилась. Нужны свидетели. Вот она и попалась, голубушка. Фоменко Оксана Макаровна, двадцати двух лет он роду. Приехала из Полтавы. Квартиру для нее еще в прошлом году снял некий друг – понятно, кто. Все официально. Участковый даже договор видел. Через фирму «Огни Москвы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.